

На правах рукописи

Кадирова Нигора Абдурашидовна

Ироническая деталь в художественной системе А.П. Чехова

Специальность 10.01.01 –
Русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Мытищи – 2022

Работа выполнена на кафедре русской литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы».

Научный руководитель:

Борисова Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы БГПУ им. М. Акмуллы.

Официальные оппоненты:

Бушканец Лия Ефимовна, доктор филологических наук, профессор, Казанский федеральный университет, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений;

Шалыгина Ольга Владимировна, доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, старший научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX – начала XX века.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова».

Защита состоится «22» сентября 2022 г. в 14 ч. 00 м. на заседании диссертационного совета Д 212.155.01 по филологическим наукам на базе Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московского государственного областного университета по адресу: 105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 21 стр.3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГОУ по адресу: 105005, Москва, ул. Радио, д. 10 А, а также на сайте: <http://mgou.ru>

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте МГОУ www.mgou.ru и сайте ВАК Минобрнауки РФ <https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета Д 212.155.01
кандидат филологических наук, доцент

К. А. Поташова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования определяется возросшим на рубеже XX-XXI вв. интересом отечественных и зарубежных ученых к изучению особенностей литературной репутации, творческой индивидуальности А.П. Чехова, в том числе ее иронической стороны, замеченной еще современниками писателя: «Враг сантиментов и выпрєнных увлечений, он, казалось, держал себя в мундштуке холодной иронии...»¹. Одним из важнейших приемов ее выражения в произведениях писателя является ироническая деталь как атрибут «поэтики бесконечно малых величин» (Г.А. Бялый)². Однако концептуальная роль именно иронической детали в художественной системе А.П. Чехова еще до конца не прояснена и требует дальнейшего целенаправленного осмысления.

Степень изученности проблемы. Одной из первых к изучению чеховской иронии обратилась в свое время Э.А. Полоцкая, отметив своеобразие проявлений иронии в драматургических произведениях писателя³. Другой видный исследователь чеховского творчества А.П. Чудаков выявил особенности его ранней юмористики⁴. О своеобразии чеховской поэтики писал А.П. Скафтымов, однако специально своеобразие иронии писателя он не рассматривал⁵. Л.Е. Кройчик подчеркивал, что «беспощадность и симпатия в произведениях Чехова не расчленимы» и полагал, что «основой этой нерасчленимости служит ирония писателя»⁶. Исследователь писал: «Чехов ироничен, ибо он не только видит несоответствие желаемого реальному, но и хорошо понимает, как далеки люди от идеала»⁷.

В работах А.В. Кубасова своеобразие художественного мира А.П. Чехова рассматривается через призму преломленного «двуголосия», отражающего рефлексивность и ироничность авторского сознания. При этом исследователем

¹ Рєпин И.Е. О встречах с А. П. Чеховым. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 85.

² Бялый Г.А. Русский реализм: от Тургєнева к Чехову. – СПб.: Советский писатель, 1990. – С. 130.

³ См.: Полоцкая Э.А. Внутренняя ирония в рассказах и повестях Чехова // Мастерство русских классиков. – М.: Советский писатель, 1969. – С. 438–493.

⁴ Чудаков А.П. Мир Чехова. Возникновение и утверждение. – М.: Советский писатель, 1986. – С. 16.

⁵ Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. – М.: Художественная литература, 1972. – 544 с.

⁶ Кройчик Л.Е. Поэтика комического в произведениях А.П. Чехова. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1986. – С. 65.

⁷ Там же.

большое внимание уделяется явлению интертекста в чеховской прозе: «насыщенность явными, полускрытыми и глубоко потаенными цитатами, реминисценциями, аллюзиями на чужой текст – одна из важнейших особенностей творчества Чехова»⁸. На наш взгляд, она также во многом связана с проявлениями иронии.

В рамках сравнительного анализа произведений А.П. Чехова и А.Н. Островского о функциях смеха и мотива «веселья» как важных слагаемых антропологии писателей и их философии жизни пишет Н.В. Мокина, отмечая, что смех рассказчика и персонажей в произведениях А.П. Чехова «как над обстоятельствами их собственной жизни, так и разными явлениями или сферами жизни общества: над религией, философией, искусством, смыслом и целями жизни, женщинами, любовью, семейной жизнью, народом, Россией – это знак иронии, ставшей «рефлексом», своего рода защитной реакцией, подобно щиту у дикаря»⁹.

Л.Е. Бушканец, выявляя особенности литературной репутации А.П. Чехова, подчеркивает, что его творчество «оказалось трудным для восприятия современников», оно «вызвало резкие споры об авторской позиции писателя, о его героях, о его месте в литературной иерархии», что во многом было обусловлено необходимостью ревизии ценностей человека на рубеже XIX-XX вв., невозможной без иронического отношения к тому, что уже не соответствовало эпохе¹⁰.

Основополагающее значение для нашей работы имеют исследования Р.Г. Назирова, посвященные А.П. Чехову. Его творчество, наряду с наследием Ф.М. Достоевского, стало для ученого предметом изучения в целом ряде концептуальных работ. Р.Г. Назиров отметил «мастерство комического афоризма,

---

⁸ Кубасов А.В. Проза А. П. Чехова. Искусство стилизации. – Екатеринбург: Изд-во Урал, гос. пед. ун-та, 1998. – С. 16; Его же: Рассказы А.П. Чехова: поэтика жанра. – Свердловск: Изд-во Свердл. гос. пед. ин-та, 1990. – 73 с.

⁹ Мокина Н.В. Мотив «веселья» и функции смеха в произведениях Островского и Чехова // А.П. Чехов и А.Н. Островский. По материалам Пятых международных Скафтымовских чтений: Сборник научных работ. – М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2020. – С. 307.

¹⁰ Бушканец Л.Е. «Он между нами жил...». А.П. Чехов и русское общество 1880-1917 гг. – Казань: Изд-во КФУ, 2012. – С. 13.

комической стилизации и пародии в дебютной прозе писателя»¹¹, «сдержанность авторской иронии, отказ от обличительного пафоса и прямых оценок в пользу комической похвалы уродливых явлений и типов в раннем творчестве»¹², «замаскированность иронии в поздних произведениях, обусловленную первостепенным значением деталей»¹³ и «высокую нравственную позицию А.П. Чехова, скрывающуюся под иронической маской элегантно сдержанности и печальной шутливости»¹⁴.

Некоторые литературоведы полагают, что существенным для А.П. Чехова стал прием сократической иронии, с которой начинается история функционирования иронии. Сократ обращался к ней, споря с софистами и разоблачая их претензии на всезнание. Как писал М.М. Бахтин, «сократический смех (приглушенный до иронии) и сократическое снижение приближают и фамильяризуют мир, чтобы безбоязненно и свободно его исследовать»¹⁵.

Ироническое начало в чеховском творчестве отмечается и многими зарубежными исследователями¹⁶. Следует выделить работы видного американского ученого Р.-Л. Джексона о рассказах русского писателя «Тоска», «Студент» и др.¹⁷. В них он уловил как национальную нотку, так и присущее А.П. Чехову сочетание лиризма и иронии. Не меньшим фундаментальным значением отличаются научные труды Кэррол Аполлонии, имеющей большой опыт перевода произведений русского писателя на английский язык¹⁸.

---

¹¹ Назиров Р.Г. Поэтика прозы А.П. Чехова в ее развитии. – Уфа, 1989. – С. 3.

¹² Там же. – С. 4.

¹³ Там же. – С.12.

¹⁴ Там же. – С. 17.

¹⁵ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 468.

¹⁶ Winner Thomas. Chekhov and his prose. NY., 1966. 263 p.; Strongin C. Irony and Theatricality in Chekhov's «The Sea gull» // Comparative drama. 1981. № 15. P. 366-380. См. также обзорные статьи: Смола К.О. Немецкое литературоведение 1980-1990-х годов о творчестве А.П. Чехова: структурализм, неоструктурализм, постструктурализм // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 1997. № 2. – С. 8-27; Красавченко Т.Н., Серебряный С. Д. Чехов в зарубежном литературоведении // Вопросы литературы. 1985. № 2. С. 105-123; Степанов А.Д. Новые англоязычные работы о Чехове // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 187-193.

¹⁷ Джексон Р.-Л. «Человек живёт для ушедших и грядущих»: о рассказе А. П. Чехова «Студент» // Вопросы литературы. – М., 1991. – № 8. – С. 125-130; Джексон Р.-Л. Концовка рассказа «Тоска» – ирония или пафос? // О поэтике А.П. Чехова: сборник научных трудов. – Иркутск: Иркутский ун-т, 1993. – С. 14-21.

¹⁸ Apollonio, C. “A New Century, A New Chekhov.” Slavic and East European Journal, vol. 50, no. 3, 2006. – P. 499-504; Apollonio, Carol Rethinking Chekhov's «Steppe»: Moral Lessons and the Laconism of Fragment // Литература русского зарубежья. Десять шагов по «Степи». Ten steps along the “Steppe”. Статьи и эссе.

В 2019 году в Бостоне вышел сборник статей «Как преподавать русскую литературу 19 века?». В трех посвященных А.П. Чехову статьях, отличающихся «крайней интеллектуальной строгостью и честностью», продуктивно реализуется стратегия «медленного чтения»¹⁹. Так, Элизабет Клости Божур в статье «“Виден только в очень ясную погоду”: Уроки второго акта Чехова», анализируя эпизод из пьесы «Три сестры», когда при свете свечи Андрей признается в своем разочаровании в браке и жизни глухому Ферапонту, отмечает «несостоятельного разговора», который не может не вызвать ощущения почти трагической иронии²⁰.

Другие авторы этого сборника, также выявляя неоднозначность авторской позиции, амбивалентность его иронической оценки, подчеркивают стремление А.П. Чехова понять и раскрыть сложность мира и человека²¹.

Объект исследования – ироническая направленность творчества А.П. Чехова как писателя, блестяще продемонстрировавшего риторические приемы ее выражения в своих произведениях.

Предмет исследования – роль и место иронической детали в художественной системе А.П. Чехова.

Материалом для анализа послужили следующие произведения: рассказы «За яблочки» (1880), «В ссылке» (1882), «Смерть чиновника» (1883), «В море» (1883), «Толстый и тонкий» (1883), «Хамелеон» (1884), «Канитель» (1885), «Злоумышленник» (1885), «Лошадиная фамилия» (1885), «Налим» (1885), «Агафья» (1886), «Кошмар» (1886), «Тоска» (1886), «Анюта» (1886), «Несчастье» (1886), «Гриша» (1886), «Враги» (1887), «Припадок» (1888), «Попрыгунья» (1891), «В ссылке» (1892), «Дом с мезонином» (1896), «Дама с собачкой» (1898), «Толстый и тонкий» (1883), «Княгиня» (1888), «Печенег» (1897), «Душечка»

Charles Schlacks, Jr. Publisher Idyllwild, CA. 2017. – P. 118-133; Apollonio, Carol. Simply Chekhov. Simply Charly, 2020.

¹⁹ Teaching nineteenth-century Russian literature. Essays in Honor of Robert L. Belknap. – Academic Studies Press. – Boston, 2019. – P. 3.

²⁰ См.: Elizabeth Klosty Beaujour. “Visible Only in Very Clear Weather”: Teaching Chekhov’s Second Acts // Teaching nineteenth-century Russian literature. – Pp. 313-327.

²¹ Andrew R. Durkin. Chekhov’s “In Exile” and “The Student”: Text /Countercontext as Strategy. Pp. 97-115; Robert Louis Jackson. Three Deaths: A Boy, a Goose, and an Infant // Teaching nineteenth-century Russian literature. – Pp. 115- 133; Elizabeth Klosty Beaujour. “Visible Only in Very Clear Weather”: Teaching Chekhov’s Second Acts // Teaching nineteenth-century Russian literature. – Pp. 313 -327.

(1898), «Ионыч» (1898), «Палата № 6» (1892), «Скрипка Ротшильда» (1894), «Невеста» (1903); повести «Степь» (1888), «Скучная история» (1889), «Дуэль» (1891); пьесы «Иванов» (1887), «Чайка» (1896), «Дядя Ваня» (1896), «Три сестры» (1900), «Вишневый сад» (1903) и др. Их выбор обусловлен тем, что в данных произведениях, рассмотренных в хронологическом порядке соответственно этапам творческого пути писателя, представлен репрезентативный ряд типологических разновидностей иронической детали в ее динамике и развитии.

Цель исследования – выявить функциональную значимость иронических деталей в чеховской прозе и драматургии.

Для достижения цели сформулированы следующие **задачи**:

- показать эволюцию эстетических и теоретико-литературных представлений об иронии применительно к творчеству А.П. Чехова;
- выявить наиболее характерные виды иронической детали в произведениях писателя и риторические способы и формы ее выражения;
- рассмотреть функции иронической детали в произведениях А.П. Чехова.

Научная новизна исследования состоит в том, что выявленная нами типология иронических деталей в чеховских текстах важна для понимания уникальности его художественного стиля, во многом обусловленной особенностями риторического выражения иронии через детали посредством разнообразных тропов и фигур.

Данный риторический аспект идентификации тотальной в творчестве писателя иронии с помощью изобразительно-выразительных средств системно рассмотрен впервые. Как риторические маркеры иронической интенции они ее эмотивно обозначают и выражают на лексическом уровне, на синтаксическом уровне выполняют архитектурную функцию, тем самым обеспечивая большую объективность своей интерпретации.

Гипотеза исследования заключается в том, что ироническая деталь в художественной системе А.П. Чехова многофункциональна, являясь важнейшим атрибутом описания и повествования, речевого взаимодействия персонажей,

формой выражения авторской позиции и выполняя концептуальную роль в произведениях писателя.

Теоретической основой диссертации являются труды таких отечественных и зарубежных ученых как К. Аполлониио, Э.С. Афанасьев, М.М. Бахтин, Г.П. Бердников, Л.Е. Бушканец, А.Б. Дерман, Р.-Л. Джексон, Т.Б. Зайцева, М. Еремин, В.Б. Катаев, А.В. Кубасов, В.Я. Лакшин, В.Я. Линков, Е.Ю. Лукина, Р.Г. Назиров, Э.Д. Орлов, З.С. Паперный, Э.А. Полоцкая, М.Л. Семанова, И.Н. Сухих, В.И. Тюпа, О.В. Шалыгина и др.

Методологию исследования составляют историко-функциональный и типологический подходы, а также принципы и приемы современного литературоведческого анализа и интерпретации художественного произведения²², которые, реализуясь в научном контексте, предполагают, с одной стороны, учет основных интерпретаций произведений А.П. Чехова, соответствующих необходимому «спектру адекватности»²³, а с другой – необходимость их коррекции и дополнения. Отсюда – расширенный в нашей работе аналитический обзор тех исследований, в которых в той или иной мере рассматриваются разнообразные аспекты функционирования иронических деталей в творчестве писателя-классика.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что результаты анализа и интерпретации функций иронических деталей в новеллистике и драматургии А.П. Чехова способствуют расширению и углублению представлений о проявлениях комического в русской литературе XIX-XX вв. в целом и творчестве А.П. Чехова в частности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут использоваться в общих курсах по истории русской литературы XIX века, спецкурсах по творчеству А.П. Чехова, особенно необходимых в современной системе образования в Республике Узбекистан.

---

²² См. об этом: Борисова В.В., Шаулов С.С. Художественный текст: аспекты анализа и интерпретации в школе и вузе. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. – 192 с.

²³ Есаулов И.А., Тарасов Б.Н., Сытина Ю.Н. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского. – М.: Индрик, 2021. – С. 12.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы из 250 наименований.

Основные положения исследования, выносимые на защиту:

- 1) А.П. Чехов является полноправным наследником богатейшей традиции выражения иронии в мировой и русской литературе, он использовал в своем творчестве практически весь арсенал художественных средств, прежде всего – ироническую деталь, выполняющую существенную роль в его произведениях. При атрофии сюжета в лирико-философской прозе и драматургии писателя именно деталь подвергается активной смысловой разработке, часто перерастая в символ.
- 2) С учетом того, что тотальная ирония становится у А.П. Чехова инструментом творческого освоения реальности, его можно назвать писателем-ироником, а ироническую деталь – важнейшим атрибутом всех его текстов. Способствуя выражению авторского отношения к героям и событиям, она позволяет выявить за прямым смыслом произведения его второй план, показательный для А.П. Чехова.
- 3) Функциональный и предметный диапазон чеховской детали в целом и иронической детали в частности достаточно широк: как элемент в структуре разных описаний (интерьер, пейзаж, портрет) и нарративных форм она становится смысловым фокусом, конденсатором авторской идеи, чертой индивидуально-авторского стиля писателя.
- 4) Эмоционально-ценностная типология иронической детали в произведениях А.П. Чехова разнообразна и включает в себя деталь, выражающую саркастическую иронию, которая направлена на обличение негативных явлений частной и общественной жизни, являясь способом выражения авторского негодования; деталь, способствующую выражению трагической иронии, вызванной приближением неминуемой катастрофы, и представляющую собой демонстративное смещение от комического к трагическому; деталь как знак трагикомической иронии с показательным

смещением от трагического к комическому, благодаря которому обнажаются конфликты времени и нравственные противоречия героев.

- 5) Основной модус художественности в произведениях А.П. Чехова тем не менее определяется амбивалентным сочетанием драматической, трагической, трагикомической и саркастической иронии: писатель подчас переходит от мягкого, сочувственного юмора к горькой иронии над несовершенством мира и человека.
- б) Динамика функционирования иронической детали отражает логику творческого развития А.П. Чехова как художника слова, трансформацию принципов ироничности в его прозе и драматургии. От формально-риторического выражения иронии с помощью разнообразных тропов и фигур речи в ранних рассказах он приходит к ее скрытому выражению в повестях «Степь» (1888), «Скучная история» (1889), «Дуэль» (1891), рассказах и пьесах конца XIX-начала XX вв. В драматическом дискурсе ирония способствует исчезновению героического пафоса персонажа («Иванов»), сопряжению самоиронии персонажа и опосредованной авторской иронии («Чайка»), отождествлению эстетических статусов героя-ироника и автора-ироника («Дядя Ваня»), выражению субстанциального конфликта («Три сестры»), усилению драматизма изображения взаимоотношений героев в пьесе «Вишневый сад».

Апробация темы исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры русской литературы БГПУ им. М. Акмуллы. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 11 публикациях, в том числе в 3 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК Минобразования России и в 2 статьях в изданиях из списка ВАК Министерства народного образования Республики Узбекистан. По теме диссертации сделаны доклады на региональных научных конференциях «Непрерывное образование: школа – пед.колледж – вуз» в БГПУ им. М. Акмуллы (2019-2022 гг.), на международных научных конференциях «Инновационные технологии в системе высшего образования» в Фергане (2020-2022гг.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** обозначены объект и предмет диссертационного исследования, обоснована актуальность темы, сформулирована цель работы, поставлены задачи для ее достижения; определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость, теоретико-методологическая основа исследования; описаны его материалы и методы.

В первой главе диссертации **«Категория иронии в историко-функциональном освещении»** раскрывается широкое понимание иронии в ее многогранных проявлениях: ирония как языковой троп и как особый тип культурной ситуации (по Г. Гегелю), ирония как философский способ отношения к бытию (ирония Сократа, романтическая, экзистенциальная, постмодернистская и т.п. ирония), ирония как модус художественности (В.И. Тюпа).

Также в данной главе выявляется ее эволюция от прототипической иронии, представляющей собой антифразис (способ говорить одно, имея в виду нечто противоположное, с целью выражения критической оценки того или явления, ситуации или объекта), до иронии как металогической фигуры скрытого смысла текста²⁴. В этой связи проводится обзор истории изучения иронии от античности до современности: античная традиция вобрала в себя так называемую сократовскую иронию и учение Марка Фабия Квинтилиана, заложившего риторический и мировоззренческий подходы к пониманию иронии. Для средневековой эстетики показательно догматическое отрицание необходимости и значимости иронии (Климент Александрийский). Ее возрождение произошло в эпоху Ренессанса в лоне смеховой народной культуры.

В эпоху Просвещения ирония перестала быть только тропом и приобрела черты мировоззренческой установки. В произведениях Ф.-М. Вольтера и Д. Дидро, А. Шефтсбери и Л. Стерна, Д. Дефо и Д. Свифта, И. Канта и И.-В. Гете

---

²⁴ См. об этом: Новейший философский словарь. Постмодернизм / Под ред. А.А. Грицанова. – Минск: Современный литератор, 2007. – С. 184.

ирония выступает в самых разных функциях: как средство социально-политической критики, как оружие, направленное против церковного догматизма и, наконец, как способ самоконтроля и самоограничения разума.

В XIX веке взгляды на иронию были в корне пересмотрены романтиками: в их эстетике и творчестве это уже не просто риторический троп или стилистический прием, но способ философского отношения к миру и форма проявления творческой субъективности художника. Наследниками романтизма в этом плане стали С. Кьеркегор и Ф. Ницше. Романтической субъективности свою трактовку иронии противопоставил Т. Манн, связав ее с эпическим началом в искусстве.

Разнообразны представления об иронии в теории и практике русской словесности (это послания Ивана Грозного князю Андрею Курбскому, «Житие протопопа Аввакума», «Повесть о Шемякином суде», произведения Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, А.И. Герцена, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и других писателей-классиков XIX в. В диссертации приведены и прокомментированы соответствующие примеры из их произведений.

Накопленный в художественной литературе опыт выражения иронии стал предметом теоретического рассмотрения в трудах М.М. Бахтина, обнаружившего корни иронии в карнавальной смехе, в народной смеховой культуре, а также А.Ф. Лосева и В.П. Шестакова, рассмотревших иронию как «одну из сложных эстетических категорий, относящихся к так называемым эстетическим модификациям»²⁵.

В обширной классификации видов иронии, предложенной Ю.В. Боревым, исторический подход, позволяющий выделить сократический, романтический, экзистенциальный типы иронии, сочетается с ее комплексным представлением в качестве приема риторической стратегии, а также формы комического. В иронии ученый увидел эмоциональную критику, имеющую «подводное течение, смех с

---

²⁵ Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. – М.: Искусство, 1965. – С. 326.

подтекстом, тонкую насмешку, прикрытую нарочитым утверждением или внешне положительной оценкой явления»²⁶.

Современное определение иронии представлено в работах А.П. Чудакова, В.И. Тюпы и Т.А. Касаткиной. Так, А.П. Чудаков, различая иронию по особенностям ее проявления в чеховской прозе и драматургии, выделил внутреннюю (скрытую) иронию, то есть реализованную в общем контексте, и иронию явную (открытую), выраженную различными средствами, в том числе благодаря ироническим деталям²⁷.

В.И. Тюпа, определяя иронию как модус художественности во всем многообразии (трагическая ирония, романтическая ирония, саркастическая ирония), отмечает такие ее свойства, как противоположность патетике и неавторитарность²⁸.

В свою очередь, Т.А. Касаткина, не сводя иронию только к разновидности юмора или сатиры, подчеркивает, что у иронии есть свое особое поле деятельности, в функциональном плане не совпадающее с полем деятельности других эмоционально-ценностных ориентаций, основанных на комическом²⁹. Она направлена не на саму действительность, а на ее осмысление в системе той или иной эмоционально-ценностной ориентации, по преимуществу представляющейся ложной. В этом случае тотальная ирония становится инструментом освоения реальности.

Проведенный обзор эволюции осмысления категории иронии в эстетике и критике, а также богатейшей традиции ее выражения в русской классической литературе позволяет утверждать, что ее полноправным наследником стал А.П. Чехов, мастерски использовавший в своем творчестве весь арсенал иронических средств и приемов, прежде всего – ироническую деталь. Именно она

---

²⁶ Борев Ю.В. Основные эстетические категории. – М.: Высш. школа, 1960. – С. 266.

²⁷ См. его: Чудаков А.П. Слово – вещь – мир: От Пушкина до Толстого: очерки поэтики русских классиков. – М.: Современный писатель, 1992.

²⁸ Тюпа В.И. Художественность литературного произведения. Вопросы типологии. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1987. – С. 142-143.

²⁹ Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. – М.: Наследие, 1996. – 276 с.

приобретает принципиальное значение в его прозаических и драматургических произведениях.

Вторая глава диссертации **«Функционирование иронической детали в прозе А.П. Чехова»** содержит четыре параграфа, в которых с современной теоретико-литературной точки зрения раскрывается понятие детали как художественного приема и в хронологической последовательности анализируются рассказы и повести первой (2.1. «Типология иронических деталей в малой прозе А.П. Чехова первой половины 1880-х годов») и второй половины 1880-х годов (2.2. «Утрата традиционных признаков формального выражения иронии в рассказах А.П. Чехова второй половины 1880-х годов»), повести 1880-1890-х гг. (2.3. «Скрытый характер иронии в повестях А.П. Чехова «Степь», «Скучная история», «Дуэль»), и поздние рассказы писателя (2.4. «Трансформация принципов ироничности в рассказах А.П. Чехова конца XIX-начала XX вв.»), выявляются типы и функции иронической детали, а также прослеживаются закономерности ее использования в контексте творческой эволюции писателя.

Во всех его произведениях ироническая деталь играет особую роль. Уникальность, неповторимость чеховского стиля во многом обусловлена ее мастерским использованием. Это подтверждает последовательно проведенный анализ таких рассказов первой половины 1880-х годов как «За яблочки» (1880), «В море» (1883), «Смерть чиновника» (1883), «Толстый и тонкий» (1883), «Хамелеон» (1884), «Канитель» (1885), «Лошадиная фамилия» (1885), «Злоумышленник» (1885), «Налим» (1885) и др.

Так, в рассказе писателя «За яблочки» одной из форм выражения иронии является силлепс, позволяющий совместить в художественных целях прямое и переносное значения. Риторический потенциал данной фигуры речи А.П. Чехов искусно использовал для выражения иронического пафоса. Не называя «животную» фамилию героя, автор выказывает свое презрение к крепостнику-помещику через иронию: «Если сей свет не был бы сим светом, а называл бы вещи настоящим их именем, то Трифона Семеновича звали бы не Трифоном Семеновичем, а иначе: звали

бы его так, как вообще зовут лошадей и коров. Говоря откровенно, Трифон Семенович порядочная-таки скотина» [1, с. 39]³⁰.

В ранних произведениях А.П. Чехов виртуозно использует не только традиционные риторические приемы выражения иронии, такие как «говорящие» фамилии, приемы нарушения читательского ожидания, разнообразные тропы и фигуры речи (силлепс, метафора, хиазм, градация и т.п.), но и новаторскую семантическую перверсию.

Так, в рассказе «Смерть чиновника» писатель обыгрывает анекдотическое происшествие, в котором причина и следствие (интрига началась с чихания героя, а закончилась его смертью) друг с другом не соотносятся, так же как ирония не соответствует традиции изображения «маленького человека», над которым в свое время много слез пролили предшественники А.П. Чехова.

Ирония начинает звучать с самого начала произведения: «В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Он глядел и чувствовал себя на вершине блаженства» [2, с. 162]. Сниженная характеристика персонажа подкрепляется ироническим повтором эпитета «прекрасный» и, в особенности, красноречивым примечанием о том, в каком ряду в партере сидел чиновник и каким действием любовался. Нужды наводить бинокль на таком близком расстоянии у него не было, но, судя по всему, Червяков разглядывал «прелести» кокетливых девушек-служанок, напевающих в игривой оперетте: «Смотрите здесь, смотрите там».

Делая такого героя объектом своей насмешки, писатель показывает, что Червяков одновременно смешон из-за своего нелепого упрямства и жалок в своем самоуничижении, к которому его никто не принуждает. Ироническая деталь, эмоционально маркированная и коммуникативно нацеленная («что-то оторвалось в животе», а не в душе Червякова!), в данном случае «страхует» читателя от шаблонного прочтения чеховского произведения.

---

³⁰ Здесь и далее приводятся ссылки на следующее издание: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. – М.: Наука, 1974-1983.

В другом хрестоматийном рассказе «Толстый и тонкий» ирония автора, на первый взгляд, также направлена на осмеяние человеческих отношений внутри бюрократической системы, в которой происходит метонимическая замена человека чином, социальной функцией по принципу «*quis est quis*». Однако по мере развития сюжета тон авторского повествования меняется от легкой иронии к откровенному сарказму над героями благодаря характеризующим карикатурным деталям, в том числе «геометрическим»: если фигура «толстого» ассоциируется с кругом, то «тонкий», его жена, «худенькая женщина с длинным подбородком» и сын, «высокий гимназист с прищуренным глазом» – с нисходящей градацией трех «палок». Зеркальный лексико-синтаксический параллелизм и повтор, переходящий в градацию, усиливают ироническое начало и в изображении перемены в поведении персонажа: «Тонкий вдруг побледнел, окаменел», «он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились» [2, с. 251].

Окончательно облик «тонкого» писатель дорисовывает иронической фразой: «Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи – хи – хи» [2, с. 251]. Это сравнение, ассоциативно связанное с фразеологизмом «китайские церемонии», содержит намек на церемониальный этикет при дворе китайского императора. В целом, авторская ирония направлена здесь не только на осмеяние бюрократической системы, но и на человека, лишаящего себя возможности свободно самоопределяться в пестрой иерархии чинов, званий и состояний.

Аналогичным образом в рассказе «Злоумышленник» тема изображения народной жизни разработана А.П. Чеховым в высшей степени нетривиально. В нем несомненна горькая ирония автора, понимающего, что прежнее отношение к ней невозможно. Герой рассказа – «маленький, чрезвычайно тощий мужичонка в пестрядинной рубахе и латаных портах» [2, с. 86]. Отвинчивание гаек, «коими рельсы прикрепляются к шпалам», по его разумению, обычное дело, которым занимаются все климовские рыбаки. Диалог Дениса Григорьева со следователем – это столкновение двух разных миров и мировоззрений. Трагикомизм ситуации

заключается в том, что русское «авось» наряду со смекалкой, которую проявляют русские мужики, не может в данном случае восприниматься и оцениваться апологетически. По крайней мере, авторская ирония как выражение способности к национальной самокритике в рассказе очевидна.

В целом в чеховской прозе первой половины 1880-х годов ироническая деталь носит еще традиционный характер, функционируя как предметная подробность, окрашенная иронической тональностью и обеспечивающая эффект жизненной достоверности. При этом художник демонстрирует мастерское владение всеми приемами детализации. Большой частью ироническая деталь выполняет функцию синекдохи, вбирая в себя смысл целого и становясь его носителем.

С эмоционально-ценностной точки зрения спектр иронических деталей в ранних произведениях А.П. Чехова расширяется: от стилизации грубоватого деревенского юмора «За яблочки» он переходит к горькой иронии («В ссылке») и злой сатире («В море»).

В рассказах и повестях А.П. Чехова второй половины 1880-х годов проявления иронии не менее вариативны. Большой частью авторская ирония завуалирована или наивным мышлением ребенка, от лица которого ведется повествование («Гриша», 1886), или постепенно обнаруживается в контексте всего произведения («Агафья», 1886), в частности через целенаправленную аккумуляцию иронических деталей («Кошмар», 1886).

В ряде других рассказов («Тоска», 1886; «Анюта», 1886; «В ссылке», 1882 и др.) «прямая» желчная ирония сочетается с «внутренней», скрытой. Ирония начинает уходить в подтекст, утрачивая признаки формального выражения, переплетаясь с другими эмоционально-оценочными модусами, в частности с драматизмом и лиризмом, определяя, в конечном счете, неоднозначный пафос произведений А.П. Чехова, в которых ирония автора по отношению к героям приобретает более сложный характер, сопрягаясь с трезвым пониманием неизбежности их поступков.

Меняются в творчестве А.П. Чехова второй половины 1880-х годов и типы иронических деталей, сами приемы выражения иронии, которая все чаще преломляется сквозь призму сознания героя. Неизбежность его совпадения с предзаданным социальным амплуа порождает специфическое сочетание иронии с милосердным чувством. К такому пониманию читатель начинает двигаться вместе с автором в ходе собственного эстетического переживания.

В зрелой прозе писателя ирония становится все более скрытой, но средствами ее выражения, в частности, в повести «Степь» (1888) по-прежнему служат иронические детали. В русле магистральной темы этого произведения – взаимоотношений человека и природы – персонажи закономерным образом представлены в системе «природных» сравнений, не лишенных иронии: хозяин постоялого двора «взмахивал фалдами, словно крыльями», Соломон похож на ошипанную птицу, а кружение Варламова по степи напоминает полет кружащегося в небе коршуна.

Аналогично социальный и природный планы изображения совмещаются в атрибутах пейзажа, интерьера и портрета, показательных для поэтики повести. Соответствующие детали выполняют аксиологическую функцию: «от кучи денег исходил противный запах гнилых яблок и керосина» [7, с. 37]. Также повесть «Степь» отличается сопряжением двух видов иронической модальности: иронии, свойственной «всепроникающему» сознанию автора, который подчас дает прямой иронический комментарий, и «внутренней», скрытой иронии, обусловленной наивным детским восприятием происходящего.

В произведениях А.П. Чехова конца 1880-х годов иронический модус повествования варьируется, сопрягаются его различные формы. Так, в повести «Скучная история» самоиронию героя перекрывает ирония автора, целенаправленно использующего эффект интертекстуальных вкраплений: Катя, воспитанница Николая Степановича спрашивает его, *что делать*, как жить дальше. Профессор растерянно отвечает: «По совести, Катя, не знаю...» [7, 309]. В общем контексте жизни русской интеллигенции XIX века, искавшей ответы на подобные сакраментальные вопросы, ответ Николая Степановича звучит честно,

но не может не вызвать грустной иронии.

В повести А.П. Чехова «Дуэль» иронические высказывания автора и персонажей соотносятся с такими психологическими параметрами изображаемой ситуации как «стимул» и «реакция». Реплики и особенности поведения героев становятся стимулом для иронической авторской реакции. Показателен в этом плане следующий пример: сытый и довольный собой Самойленко все видит в розовом свете: «Не поворачивая головы, он посматривал по сторонам и находил, что бульвар вполне благоустроен, что молоденькие кипарисы, эвкалипты и некрасивые худосочные пальмы очень красивы» [7, с. 361]. Авторская ирония выражается здесь через оксюморонную антитезу («некрасивые худосочные пальмы очень красивы»).

Благодаря разнородным деталям в зрелой прозе А.П. Чехова ирония в эмоционально-ценностном плане перестает быть однозначной: сочувствие и грусть сопрягается с горечью, как в повести «Скучная история»; с драматическими переживаниями, как в рассказе «Скрипка Ротшильда»; с сарказмом, как в рассказе «Княгиня». В рассказе «Палата» № 6 в ключевой сюжетной ситуации – душевнобольной учит доктора здоровому взгляду на вещи – в духе трагической иронии актуализируется фабула «мудрого безумца».

В рассказе «Душечка» повествование также строится на соединении противоположных тональностей, дополняющих друг друга. В итоге неоднородный художественный модус, в котором ирония сочетается с драматизмом и лирической проникновенностью, не позволяет однозначно интерпретировать главный образ, тем более что с точки зрения музыкальной динамики иронический тон меняется от форте к пиано. Этим зрелые рассказы писателя отличаются от ранних, в которых ирония идет крещендо, часто с использованием такой фигуры речи как восходящая градация.

Неоднозначно решается вопрос об авторской иронии в рассказе «Дом с мезонином». Молодой художник, влюбленный в Мисюсю, рисует идиллическую картину усадебной жизни, в описании которой совмещаются ирония и самоирония героя-рассказчика по поводу «распивания чая». Поэтический концепт

русского чаепития приобретает в данном случае значение иронической детали, что подтверждается возрастанием иронии в описании бесконечных чаепитий как имитации духовной деятельности обитателей поместья Волчаниновых.

В рассказе «Скрипка Ротшильда» тема облагораживающего влияния бессмертного искусства, неотделимая от высокого пафоса, обретает принципиально новую, ироническую тональность благодаря сознательному насыщению текста значимыми интертекстуальными отсылками (в том числе к пушкинскому «Памятнику») и многочисленным комическим деталям, но постепенно ирония переходит в драматизм.

В другом произведении А.П. Чехова «Княгиня» иронический эффект создается за счет развернутого орнитологического сравнения в портретной характеристике героини: «стараясь походить на птичку, княгиня порхнула в экипаж и закивала во все стороны» [7, с. 247]. Иллюзорность ее внутренней жизни обнажается в ироническом повествовании, построенном на несовместимости «внешней данности и внутренней заданности» (В.И. Тюпа). Все тайные желания избалованной барыньки просвечены, как рентгеном, жесткой авторской иронией: «Кушая грибки и запивая их малагой, княгиня мечтала о том, как <... > она уйдет в монастырь, <... > будет молиться за врагов своих, и тогда все вдруг поймут ее, придут к ней просить прощения, но уж будет поздно» [7, с. 246].

Так, являясь важным компонентом в структуре портрета, пейзажа, интерьера и других атрибутов описания, а также различных форм речевого взаимодействия персонажей, ироническая деталь позволяет обнаружить за прямым смыслом второй план восприятия. В результате она становится важнейшим маркером выражения иронической интенции автора, приобретая значение главного художественного модуля в его произведениях.

Пять параграфов третьей главы **«Ироническая деталь в драматическом дискурсе А.П. Чехова»** включают в себя последовательный анализ пьес драматурга (3.1. «Ирония как способ аннигиляции героического пафоса персонажа в драме «Иванов», 3.2. «Самоирония персонажа и формы выражения опосредованной авторской иронии в комедии «Чайка», 3.3. «Тождество эстетических статусов героя-

ироника и автора-ироника в пьесе «Дядя Ваня», 3.4. «Субстанциальный конфликт и ирония драматической формы в пьесе А.П. Чехова «Три сестры», 3.5. «Иронический драматизм взаимоотношений героев со временем в «лирической комедии» «Вишневый сад»).

Следует подчеркнуть, что функционирование иронических деталей в драматургических произведениях А.П. Чехова принципиально не отличается от их роли в его прозе, поскольку неизменным остается эстетический статус чеховского героя – неадекватность его самосознания относительно жизненного статуса. Тем не менее, иронический потенциал чеховских пьес весьма значителен, как и способы его актуализации в драматургическом дискурсе. Анализ диалогических реплик в произведениях писателя позволяет выявить целый комплекс иронических деталей, характерных для индивидуального стиля А.П. Чехова.

Так, в пьесе «Чайка» благодаря аккумуляции деталей усиливается трагическая ирония, свидетельством которой становится сквозной образ мертвой чайки, символизирующей мечту Треплева и Нины Заречной о новом искусстве. Используя различные приемы выражения многогранной иронии, драматург последовательно реализует принцип оксюморонного совмещения напряженных внутренних конфликтов, связанных с решением важнейших проблем искусства, и удушающих бытовых мелочей. Именно этот принцип порождает в пьесе комический эффект. Каждый из персонажей превращается в «психологический курьез», подобно Маше, которая всегда ходит в черном платье и говорит: «Это траур по моей жизни. Я несчастна» [13, с. 5].

В пьесе «Иванов» как в комедии недоразумений и алогизмов иронию автора вызывают несуразные речи и нелепые поступки действующих лиц. Так, иронически развенчивается драматическая поза Иванова благодаря ее соотнесенности с фарсовыми и водевильными ситуациями и пародийным поведением других действующих лиц.

Соответствующие речевые маркеры в данном случае играют роль деталей, выражающих ироническое отношение автора к персонажу. В характеристике

Иванова такой иронической деталью становится его лейтмотивная фраза «не понимаю». Его жена и Саша, напротив, повторяют: «я понимаю...». В драматургическом дискурсе А.П. Чехова можно увидеть проявление трагикомического типа речевого взаимодействия героев вследствие взаимонепонимания, постоянно возникающего между ними. Они часто говорят невпопад, не замечая того, что высказывают прямо противоположные мнения. Много явных и скрытых алогизмов в суждениях самого Иванова. Именно по отношению к нему автор последовательно ироничен.

Однако чеховская ирония редко выражается в прямых оценках или ремарках, разливаясь по всему тексту, что наглядно подтверждается в пьесе «Дядя Ваня». Так, ирония Ивана Петровича Войницкого по отношению к профессору прослеживается с первого действия и, постепенно нарастая, выливается в насмешку, сарказм, уничтожающие «великого ученого».

Примечательны в этом плане диалоги Войницкого с Астровым о Серебрякове, изобилующие умело подобранными деталями. Благодаря им драматург разоблачает мнимого кумира, карикатурно его изображая: «Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве» [13, с. 67]. Двойной лексический повтор эту иронию усиливает. Функцию иронической детали в пьесе выполняют и интертекстуальные параллели. Очевидна в этом плане пародийная гамлетовская проекция в образе Ивана Петровича Войницкого и дон-кихотская – в образе Серебрякова. Исходный смысл аллюзии в данном случае переходит в иронический модус, указывающий на несовпадение реальности с литературной традицией, с которой герои себя соотносят.

И пьесу «Три сестры» обоснованно можно отнести к иронической драме, в которой торжествует скрытая ирония над перипетиями человеческого бытия, прежде всего над ситуацией «вечного ожидания». Так, сестры Прозоровы живут в ожидании переезда в Москву, Чебутыкин ждет окончания своей службы, Тузенбах мечтает о том, что через какие-нибудь двадцать пять-тридцать лет работать будет каждый человек и т.д. Их иллюзорные мечты в конечном счете вызывают только иронию автора или самоиронию персонажей.

Своеобразным авторским приемом выражения иронии является «диалог глухих», когда герои не слушают и не слышат друг друга. Несуразные речевые детали их общения также создают комический эффект. Все разговоры действующих лиц о будущем, о смысле жизни находятся в резком контрасте с нелепостью их повседневного поведения, вступая в разлад с реальным ходом событий. Именно в этом очевиднее всего проявляется ирония самой жизни, блестяще обнаруженная А.П. Чеховым.

Подлинно иронической пьесой является «лирическая комедия» «Вишневый сад»: ироничен ее сюжет (несмотря на то, что нужно спешить со спасением имения, герои как будто забыли, что день торгов неумолимо приближается), в ироническом свете представлены практически все персонажи. Причем, если в изображении главных героев ирония присутствует в скрытом виде, то в изображении второстепенных героев – экономки, гувернантки, горничной, лакея – она предельно открыта. В их поведении, как в кривом зеркале, отражаются многие свойства господ. В этом отношении особенно примечателен образ Симеонова-Пищика.

Ироническую реакцию вызывают случаи стилистического и семантического разнобоя, отличающие, например, речевое поведение Раневской и Гаева. В их речах патетика перебивается бытовыми репликами-детальками, обнаруживая глубокое несоответствие между словами и делами: «Видит бог, я люблю Родину, люблю нежно, но я не могла смотреть из вагона, все плакала. *(Сквозь слезы.)* Однако же надо пить кофе» [13, с. 204].

О беспощадно ироническом отношении автора к героям-«недотепам» свидетельствует трансформация мотива детскости в пьесе в отличие от повести «Степь». Детское поведение персонажей «Вишневого сада» подается даже не иронически, а саркастически. «Детская деталь» в физическом и психологическом облике взрослого человека маркирует его безнадежную инфантильность.

В **Заключении** делаются выводы об особенностях функционирования иронических деталей в художественной системе А.П. Чехова, подчеркивается, как соответственно творческой эволюции писателя меняется их типология. Если в

ранних рассказах А.П. Чехова ироническая деталь носит еще традиционный характер, вписываясь в классическую систему формальной риторики, то в произведениях второй половины 1880-х годов ирония начинает уходить в подтекст, переплетаясь с другими эмоционально-оценочными модусами.

Новые функции иронической детали как атрибутов пейзажа, интерьера и портрета реализуются в повести «Степь», приобретая принципиально аксиологическое значение. В поздней же прозе и драматургии А.П. Чехова ирония становится поистине тотальной: в ее орбиту наряду с ключевыми деталями входят и другие элементы описания, повествования, диалога, такие как реплика, ситуация, сцена, образ и т.п. Из художественного приема ирония превращается в модус художественности, в высшей степени показательный для А.П. Чехова как писателя-ироника.

Кроме того, в зрелой прозе и драматургии А.П. Чехова выделяются виды деталей, отмеченные сопряжением саркастической, трагической, драматической иронии с лирической тональностью. С учетом неоднозначной структуры произведений писателя различаются также иронические детали, обусловленные текстом, подтекстом и интертекстом.

В перспективе дальнейшего исследования типология иронических деталей в творчестве А.П. Чехова может быть расширена и уточнена как за счет его внутреннего, так и внешнего контекстов.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях (общим объемом 5,2 п.л.):

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК

Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Кадырова Н.А. Рассказ А.П. Чехова «Студент»: опыт мифопоэтического комментария // Казанская наука. – 2019. – № 9. – С. 8-10. 0,5 п.л.
2. Кадырова Н.А. Ироническая деталь в художественной системе А.П. Чехова // Успехи гуманитарных наук. – 2020. – № 8. – С. 252-262. 0,7 п.л.

3. Кадырова Н.А. Роль визуальных и звуковых деталей в авторских ремарках Чехова-драматурга // Успехи гуманитарных наук. – 2020. – № 9. – С. 236-238. 0,5 п.л.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Кадырова Н.А. Изучение иронии в историко-функциональном освещении // Научный вестник Кокандского ГПИ. – 2021. – № 2. – С.110-115. 0,5 п.л.
5. Кадырова Н.А. Категория иронии в драматургии А.П. Чехова // Научный вестник Кокандского ГПИ. – 2022. – № 3. – С. 15-20. 0,5 п.л.
6. Kadyrova N.A. Category of irony in historical and functional lighting // International Multidisciplinary Research Journal. – 2020. –Vol. 10. – Issue 6. – P. 1324-1330. 0,5 п.л.
7. Kadyrova N.A. Category of irony in different eras // Asian Journal of Research in Social Sciences and Humanities. – 2021. – Vol. 11. Issue 11. – P. 469-473. 0,5 п.л.
8. Kadyrova N.A. Irony as a Means of Characteristics in the Works of A.P. Chekhov // International Journal orange technologies. – 2021. – № 6. – P. 60-64. 0,5 п.л.
9. Кадырова Н.А. Рассказ А.П. Чехова «Душечка»: опыт современной интерпретации // Вестник БГПУ. – 2022. – № 1(62). Том 2. – С 113-117. 0,5 п.л.
10. Кадырова Н.А. Трансформация принципов ироничности в рассказах А.П. Чехова конца XIX-начала XX вв. // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей XIX международной научно-практической конференции. В 2 ч. – Ч. 1. – Пенза, – 2022. – С. 130-134. 0,5 п.л.
11. Kadyrova Nigora. Loss of Traditional Signs of Formal Expression of Irony in A.P. Chekhov's Stories of the Second Half of the 1880s. // American journal of Social and Humanitarian Research. – 2022. – No. 4. – Vol. 3. – P. 271-275. 0,5 п.л.